

УДК 740.1

Кирсанова Лидия Игнатьевна

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Россия. Владивосток

Митина Наталья Георгиевна

Морской государственный университет имени адмирала Г.И. Невельского
Россия. Владивосток

Тенденции утопического сознания в марксизме

Статья возвращает нас к вопросу о возможности революционного изменения общества, к проблеме конфликта массового стихийного протеста (фигуре Пролетария) и организованного насилия (Партия, Вождь), имевших место в России начала XX века. Вводятся такие теоретические концепты, как Рабочий, Солдат (фигуры позитивности) и Пролетариат (чистое дионисийство, деструктивный элемент массового протеста). Проведен анализ бюрократии большевизма как воли к власти, обоснована необходимость управленческой бюрократии как реализации воли к истине, знанию.

Ключевые слова и словосочетания: пролетарская революция, государственное насилие, милитаризация всеобщего труда, бюрократия власти и бюрократия знания.

Для определения специфики марксистских проектов необходимо выявить основные тенденции в марксизме, которые в дальнейшем будут раскрыты на примере утопий.

В основе марксизма лежит учение о пролетариате – классе, который должен решить задачу создания нового коммунистического общества. Пролетариат, в свою очередь, выступает в качестве социального тела утопических проектов марксизма. Учение о пролетариате, созданное К. Марксом и его сподвижником Ф. Энгельсом, обосновывает историческое значение и задачи данного класса. Для них рабочий является разрушителем ценностей цивилизации, которая создана угнетенными для обеспечения потребностей господствующего класса. В раннем марксизме пролетариат выступает как «самый низкий слой современного общества», который, чтобы «подняться», должен все уничтожить насильственным путем [20]. На что указывает в своем исследовании рабочего и Э. Юнгер, подчеркивая, что новый мировой порядок не является сам собой, а создается «в рабочем ритме череды мировых и гражданских войн» [46].

Роль пролетариата как разрушителя старого общества рассматривается в таких произведениях основоположников марксизма, как «Немецкая идеология», «Манифест Коммунистической партии», «Коммуна» и др. [18, 19, 21, 43]. Пролетарий в них выступает в качестве разрушителя, который должен принести себя в жертву для спасения других. Более того, по мнению Маркса, «рабочие не имеют отечества», так как не являются национальным классом, и стать таковыми они могут, только завоевав политическое господство [21]. В.Д. Жукоцкий выделяет связь между философской концепцией К. Маркса и философией Ф. Ницше в желании решить проблему отчуждения человека «на парадоксальной основе: отрицании морали как самоценности, обособленной от реальной человеческой жизнедеятельности и диктующей ей сверху – какой быть». Они «едины в своем порыве морального бунтарства против всяческой *усредненности* человека», и для Маркса решение заключается в движении пролетариата, который должен взорвать капитализм снизу [9]. Следовательно, у Маркса в пролетариате отсутствует позитивное начало: выступая против ценностей, разрушая, он проявляется как анархистский тип человека, как деструктивный элемент, который должен «низвергнуть государство, чтобы утвердить себя как личность» [21].

Однако, выстраивая свою теорию, Маркс приходит к заключению, что пролетариат должен не только сыграть роль разрушителя старого, но и выступить создателем нового общества, и пытается найти в нем позитивное начало. И это позитивное, по его мнению, заключается в способности к самоорганизации. Первый пример такой самоорганизации он видит в деятельности Парижской Коммуны, где рабочие пытались организовать повседневную жизнь Парижа. Исследуя опыт Коммуны, философ называет ее «*политической формой социального раскрепощения*», «это переход власти к самим народным массам, которые на место организованной силы их угнетения создают свою собственную силу; это политическая форма их социального освобождения» [20].

Но в ходе анализа опыта Коммуны были сделаны выводы о неспособности рабочих организовать свою деятельность и защитить свои завоевания. В частности, на данный факт указывает Ф. Энгельс, отмечая нерешительность Коммуны: «Пока делами руководил Центральный комитет национальной гвардии, они шли хорошо, но после выборов (речь идет о выборах Коммуны и передачи ей власти) велись разговоры, а действий не было. Действовать против Версаля надо было тогда, когда он был слаб, но этот благоприятный момент был упущен, и теперь, по-видимому, Версаль берет верх и теснит парижан» [44]. Он же указывает на отсутствие последовательности в действиях Коммуны, на существующие противоречия внутри нее, которые затрудняли деятельность в целом, что было обусловлено отсутствием у рабочих самосоз-

нения, теоретической подготовки и широкой организации, только немногие из рабочих ясно понимали цели социализма и были способны к действию, остальные являлись социалистами «по революционному пролетарскому инстинкту» [43].

Таким образом, основоположники марксизма приходят к выводу о политической несостоятельности пролетариата, его неспособности к самоорганизации и необходимости его организации для завоевания политической власти. Данные выводы были сделаны К. Марксом в «Немецкой идеологии», где впервые ставится задача захвата пролетариатом политической власти [21]. Далее вопрос захвата политической власти находит развитие в «Манифесте Коммунистической партии»: «Политическая власть в собственном смысле слова – это организованное насилие одного класса для подавления другого» [21]. Ф. Энгельс во «Введении к работе К. Маркса "Гражданская война во Франции"» организацию политической власти в Парижской Коммуне называет диктатурой пролетариата [43], однако данное положение не получило развития в теории основоположников марксизма.

Следовательно, основоположники марксизма, с одной стороны, видели в пролетариате дионисийское стихийное начало, класс, свободный от ответственности, но не способный к самостоятельной организации, а с другой – ставили перед ним задачу захватить политическую власть с помощью диктатуры пролетариата. Развитие этих двух линий мы видим в русском марксизме: 1) дионисийский марксизм представлен у теоретиков анархизма – П. Кропоткина, М. Бакунина; 2) государственный марксизм в виде диктатуры пролетариата развивается в трудах Г.В. Плеханова, В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, И.В. Сталина, А.А. Богданова.

Первое направление мы подробно рассматриваем в ходе анализа анархистских утопий М. Бакунина и П. Кропоткина и здесь останавливаться не будем. Однако необходимо отметить, что от него отталкивается второе направление – государственный марксизм, основные положения которого мы рассмотрим.

Одним из первых Г.В. Плеханов привносит на русскую почву марксизм. В своих произведениях он подчеркивает несостоятельность стихийного народного движения [27], на которое рассчитывали предшественники марксизма – народники, а позднее анархисты. По его мнению, Маркс и Энгельс переоценивали «способность к революционному действию тогдашнего бессознательного большинства пролетариата», эти ошибки необходимо учесть русским марксистам, чтобы не допустить поражения русского пролетариата [24].

Он останавливается и на роли личности в истории, подчеркивая ее «большое влияние на судьбу общества» [26]. Однако понятие «личность» связано, по его мнению, с интеллигенцией, в то время как сознательный рабочий

как «общественное животное» тяготеет к массе. Поскольку «первые шаги рабочего движения нередко совершаются под решительным влиянием интеллигенции», то задача интеллигенции – выступить в роли организатора и просветителя для «беспомощного» пролетария, который должен обрести «*пролетарскую самостоятельность*». Он приходит к выводу, что пролетарская психология – психология массы – определяет и его тактику: «Его движение есть массовое движение; его борьба – массовая борьба» [25].

Плеханов подчеркивает, что пролетариат на данный момент не является передовым классом, он только начинает осознавать себя, и в этом процессе формирования политического сознания, сплоченности, организованности наша социалистическая интеллигенция «должна стать руководительницей рабочего класса в предстоящем освободительном движении ... должна подготовить его к самостоятельной роли в общественной жизни России. Она должна всеми силами стремиться к тому, чтобы ... наш рабочий класс мог выступить в качестве особой партии с определенной социально-политической программой» [27].

Он один из первых среди русских марксистов приходит к выводу о необходимости силы, которая организует пролетариат, так как народное движение не способно «развиться в высшую коммунистическую форму» без непосредственного воздействия на них сильной и хорошо организованной *рабочей социалистической партии*» [27]. В работе по созданию партии он видит и роль терроризма, который «совершенно логически вырос из нашего "бунтарства"» и открыл «собой новую эпоху в развитии нашей революционной партии – эпоху *сознательной политической борьбы* с правительством» [28].

Теория государственного марксизма была продолжена в трудах В.И. Ленина, который, осознав неспособность стихийного элемента к действию, останавливается на теории классовой борьбы. Стихийность, считает он, «в сущности, не что иное, как зачаточная форма сознательности», в стихийном пробуждении народных масс заключается «пробуждение к сознательной жизни и сознательной борьбе». Отсюда – задача социал-демократии «состоит в борьбе со стихийностью, состоит в том, чтобы совлечь рабочее движение с этого стихийного стремления тред-юнионизма ... под крылышко революционной социал-демократии» [16].

Ленин уделяет особое внимание идее политической организации пролетариата – диктатуре. Данная идея была развита им в учение о диктатуре пролетариата в работе «Государство и революция», где точка зрения на пролетариат изменяется. Если у Маркса в «Немецкой идеологии», в «Манифесте Коммунистической партии» пролетариат – это освобожденная сила трудового народа, то у Ленина – это диктатура организованного класса. Он согласен с

основоположниками марксизма, что смена «буржуазного государства пролетарским невозможна без насильственной революции», и подчеркивает, что авангард пролетариата, который способен «взять власть и вести весь народ к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых», воспитывается марксизмом в рабочей партии [10]. Относительно характеристики марксиста, он дает жесткое определение: «Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата» [10]. Таким образом, для Ленина пролетарское сознание – стихийный элемент, не способный к самосознанию, только партия способна внести элемент самосознания, организации в пролетарское движение и привести его к цели – диктатуре пролетариата. С. Жижек в исследовании, посвященном В.И. Ленину, отмечает, что Ленин «формализовал Маркса посредством определения Партии как политической формы ее исторического вмешательства» [8]. Роль партии в организации рабочих выделяет Э. Юнгер, указывая на тот факт, что она является новой формой единства и находится «в культовом отношении к гештальту рабочего» [46].

Как и другие марксисты, Ленин подчеркивает роль рабочих в организации трудящихся на борьбу с буржуазией (соглашаясь с другими, что крестьянство не является классом, способным к организации) и приходит к выводу, что формой диктатуры пролетариата могут стать Советы рабочих и солдатских депутатов [10]. По данному вопросу он расходится, как и Плеханов, с анархистами и ведет с ними полемику, обосновывая ведущую роль пролетариата и необходимость установления диктатуры пролетариата [10].

От своих взглядов на роль пролетариата, партии и диктатуры пролетариата Ленин не отказывается и после захвата власти. Он подчеркивает, что необходима «железная дисциплина и до конца проведенная диктатура пролетариата» [17], важно «наладить учет и контроль в общегосударственном масштабе» [13]. Ленин выступал за самую твердую и беспощадную диктатуру «в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов» и считал необходимым распространение ее и на сферу производства: «Подчинение, и притом беспрекословное, во время труда, единоличным распоряжениям советских руководителей, диктаторов, выборных или назначенных советскими учреждениями, снабженных диктаторскими полномочиями (как того требует, например, железнодорожный декрет), обеспечено еще далеко и далеко недостаточно» [17]. Как подчеркивает С. Жижек, тезис Ленина о том, что государство является диктатурой одного класса над другим, позволяет сделать вывод, что «поскольку мы до сих пор живем в сфере Государства, у нас есть законное право проводить полноценный террор» [8].

Проводниками данных идей становятся уже организованные трудящиеся – партийцы. Отсюда и сформулированная задача партии: «Встать во главе ... массы, повести ее по верному пути, по пути трудовой дисциплины, по пути согласования задач митингования *об* условиях работы и задач беспрекословного повиновения воле советского руководителя, диктатора, *во время работы*» [13]. Помощником партии в этой работе выступает организованная в Союзы молодежи: «Союз коммунистической молодежи должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин... Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами» [12]. Следовательно, вопросы самоорганизации пролетариата и трудового люда (стихийного начала) после захвата власти решаются с помощью давления партийной и комсомольской организации и внутри них.

Как отмечает В.Д. Жукоцкий, нигде, кроме России, мы не встречаем такого яркого проявления синтеза марксизма и ницшеанства: «Превращенные формы марксистствующего (не осознавшего себя) ницшеанства можно найти у многих вождей ортодоксального марксизма, проявивших незаурядную волю к власти как на уровне партийного и государственного строительства, так и в создании новой религии, о которой по-своему мечтал Ф. Ницше. Интенции ленинизма и сталинизма в этом отношении не только различны, но и тождественны» [9].

Теория государственного марксизма получила развитие в этот период в трудах Л.Д. Троцкого. Он, так же как и другие сторонники государственного марксизма, подвергает критике Парижскую Коммуну за нерешительность и соглашательство [42]. В своей теории перманентной революции он отмечает руководящую роль партии: «Свою диктатуру пролетариат осуществляет через советское государство. Коммунистическая партия является руководящей партией пролетариата, а, следовательно, и его государства» [40]. Троцкий подчеркивает необходимость союза пролетариата с крестьянством, без которого нельзя разрешить задачи демократической революции, однако «осуществление революционного союза пролетариата и крестьянства мыслимо только под политическим руководством пролетарского авангарда, организованного в коммунистическую партию» [41]. Таким образом, Троцкий так же отводит партии роль главной организующей силы для пролетариата.

В теории Троцкого дается основание последовательности появления фигур рабочего и воина в России. Так, рабочий становится определяющей фигурой в XIX веке – в эпоху индустриального развития, что обосновано в работе Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», где раскрывается процесс формирования пролетариата [45]. Таким образом, в развитых стра-

нах фигура рабочего формируется раньше, чем фигура солдата, что отражено в исследовании Э. Юнгера [46].

Для стран, которые в XIX веке не являлись индустриальными державами, а к ним относится и Россия, процесс формирования пролетариата начинается позднее (в России он начинается в конце XIX века, но до революционных событий 1917 г. еще находится в процессе генезиса). Октябрьский переворот 1917 г. стал последствием, в том числе, поражений России в Первой мировой войне, за годы которой в стране была сформирована большая, боеспособная армия, особенно флот. Следовательно, в России фигура солдата предшествует фигуре рабочего, что отличает ее от развитых европейских стран.

Данный процесс осмыслен в трудах Л.Д. Троцкого, который предлагает проведение индустриализации через милитаризацию труда: «Мобилизация тысяч пролетариев для армии перерождает армию. Возвращение из армии лучших работников, лучших организаторов, разумеется, обогатит в высшей степени нашу хозяйственную жизнь». Он выделяет ряд положительных черт милитаризации: военная дрессировка, точное исполнение, высшая форма сплоченности, доведения до совершенства техники. Все это позволит использовать милитаризацию в строительстве социализма, распространив принцип военной организации на территории и организовав в промышленных районах офицерские курсы для подготовки руководителей промышленности [37]. Военная система способна была решить задачу мирного строительства с помощью военного-солдата. Надо отметить, что если подготовка квалифицированного рабочего занимала продолжительное время, то подготовка солдата и офицера проходили значительно быстрее, что и обусловило привлечение солдата для строительства социализма. Кроме того, армию (солдат) можно было эффективно использовать не только для мирного строительства, но и для обеспечения надзора за массой трудового люда, что в дальнейшем и было взято на вооружение И.В. Сталиным.

В качестве способа организации пролетариата в период строительства социализма Троцкий предлагает мобилизацию труда и всеобщую трудовую повинность [37, 38, 40, 42]. Он приходит к выводу, что организация труда в новом обществе заключается в правильном проведении всеобщей трудовой повинности, что предполагает не только организационные и административные мероприятия, но и «захватывает самые основы хозяйства и быта»: «Проведение трудовой повинности предполагает, с одной стороны, колоссальную воспитательную работу, с другой – величайшую осмотрительность в практическом подходе» [42]. Мобилизация рабочей силы происходит на основе централизованного общегосударственного плана [37], и созданные трудовые армии подчиняются Реввоенсовету Республики «на правах особой армии» [38]. Следовательно, для Троцкого вопрос организации пролетариата является

ключевым и решается с помощью милитаризации жизни: «Проведение трудовой повинности немыслимо без применения – в той или другой степени – методов милитаризации труда» [42]. Кроме партии в этом процессе руководящая роль отводится профессиональным союзам, «в состав которых должны быть возвращены лучшие рабочие, прошедшие военную школу» [40]. Система, предложенная Троцким, была в дальнейшем использована на стройках социализма И.В. Сталиным.

И.В. Сталин являлся сторонником строгой организации трудящихся. Его труды вносят свой вклад в государственный марксизм. Он, как и В.И. Ленин, и Л.Д. Троцкий, считал, что «только пролетариат в состоянии объединить и вести за собой распыленные и отсталые слои трудящегося и эксплуатируемого населения». И в этом ему помогает структура советской власти [35]. После объединения Советов (при лидирующем положении в них рабочих) и установления над ними контроля со стороны партии они становятся удобной формой власти для большевиков, власти, которая обеспечивала организацию и контроль трудящихся.

Следующие формы организации и контроля, использованные Сталиным, это организация творческой инициативы и трудового подъема масс:

а) по линии борьбы с бюрократизмом, сковывающим трудовую инициативу и трудовую активность масс – через **самокритику**;

б) по линии борьбы с прогульщиками и разрушителями пролетарской трудовой дисциплины – через **социалистическое соревнование**;

в) по линии борьбы с рутинной и косностью в производстве – через организацию **непрерывки**» [33] (непрерывка предполагала введение на производстве цикла непрерывной работы посредством организации рабочих смен).

Данные формы способствовали установлению контроля со стороны государства, который усугубился проведением коллективизации в деревне с помощью рабочих пропагандистов колхозного движения, являвшихся, по мнению Сталина, «лучшими пропагандистами среди крестьянских масс», убедившими крестьян «в преимуществе крупного коллективного хозяйства» [33].

Важную роль в трудовой организации пролетариата и его воспитании играют и практические методы, применяемые Сталиным. Это грандиозное строительство периода индустриализации, одним из главных объектов которого является московское метро, выполнявшее важную идеологическую роль. Исследователь метродискурса М. Рыклин подчеркивает, что дискурс метро является насильственной речевой практикой и в его рамках мобилизация и война становятся «чем-то естественным и неизбежным» [28]. В ходе гигантского строительства и связанного с ним развития движения ударников производства происходит «преобразование некультурного метростро-

евца в культурного» (М. Рыклин выделяет в этом процессе два пути: 1) осознание своей великой задачи, правильности курса партии, 2) как неосознательный он становится врагом и его перевоспитывают) [30]. Он подчеркивает синкретичность системы общественных отношений, которая, по его мнению, приводит к идеологическому обоснованию трудовой установки, к правовому обоснованию данной политической линии [32].

Выводы Рыклина подтверждает исследование Э. Юнгера, который, рассматривая гештальт рабочего, приходит к выводу, что последней и высшей ступенью мобилизации материи (гештальтом рабочего) является осуществление тотального характера работы, а результат единства технического пространства и типа выражается в «стирании различий между органическим и механическим миром; его символ – органическая конструкция» [46]. Таким образом, формируется трудовая механическая масса – народ, уничтожающая индивида и имеющая перед собой единую цель – строительство коммунизма. И в данном процессе организации и воспитания пролетария используются все методы от кнута (репрессии с целью перевоспитания) до пряника (привилегии для ударников производства – Героев Социалистического Труда).

М. Рыклин выделяет еще один способ формирования коллективного сознания в сталинском метрополитене: образность метро – фигуры, расположенные в публичных пространствах, «воплощают господствующую идеологию публичности, доводя аперсональность массы до логического завершения» [32]. Необходимо остановиться на роли образности метрополитена. Как уже отмечалось, квалификационный уровень метростроевцев (как и всей рабочей массы) был низок, и это затрудняло для них осознание цели и задач строительства, понимание технической стороны своей работы. Само чтение текста было для них затруднено. Неспособные овладеть текстом рабочие видели предлагаемый им образ (оформление первых станций метрополитена). Визуальный ряд упрощал понимание, он позволил выразить в простой форме техническую идею метро. Это и стало причиной визуализации.

Визуальный образ возвращает к протописьму, суммирует эффект труда. Визуализация аналогична жесту, который упрощает понимание смысла. Как подчеркивает Ж. Деррида в своей работе «О грамматологии», жест является дикарским письмом, обращенным к зрению, он «предваряет словесный язык». Следовательно, «метафорическое (перво)начало речи пробуждается, открывает глаза в самом средоточии языка». Анализируя работы по языку Руссо, он приходит к выводу, что первый язык был образным [7]. При восприятии текста или устной речи может возникнуть ошибка непонимания вследствие разрыва означающих, разрыва смысла. Здесь же, по выражению Деррида, «означающее как таковое означает опять-таки означающее, а вовсе не саму вещь и не какое-либо непосредственно представленное

означаемое» [7]. Образ – это вещь, которая «переносится в своего двойника (т.е. в сферу идеальности) для другого». Это изображение, делает заключение Деррида, является аллегорией, а «аллегория – это дикарское изображение» [7]. Жест (визуальный образ) указывает на вещь, предмет, эмоцию, и тем самым можно избежать ошибки, непонимания. Визуализация образа, как правило, происходит в утрированной форме, что еще более упрощает понимание и заставляет испытывать подобное чувство, объединяет массу. Однако обратного превращения образа в текст нет, происходит деградация сознания до уровня образа. Следовательно, визуальный образ метро означает интеллектуальную деградацию адресата, где для большинства (массы) постижение смысла речи-текста возможно только таким образом.

Процесс визуализации особенно ярко проявился в кинематографе, огромное значение которого подчеркивал В.И. Ленин: «Вы должны твердо помнить, что из всех искусств для нас важнейшим является кино» [11]. Кинопроекты советской власти (особенно это ярко проявляется в кинолентах 20 – 30-х годов С. Эйзенштейна, П. Довженко и др.) используют речь минимально, ее заменяет лозунг или экспрессивный жест, который понятен и узнаваем для массы, в большинстве своем неграмотной. Искусство идет за деградацией адресата. Визуальная проекция соединяется с лозунгом и плакатом, средствами упрощения содержания текста, делавшими его доступным широким массам, и способствует, таким образом, сплочению массы трудового народа, осознающего таким способом свою сопричастность к великому делу, организует его.

Протописьмо, протожест направлены на публику (массу, коллектив), а не отдельного индивида. На данный аспект визуализации указывает и М. Рыклин: «Визуальное измерение в речевой культуре не проходит через фильтры индивидуализации». Главным предметом репрезентации становится масса, все ориентируется на коллективную идентичность. Полное отсутствие персонификации приводит к тому, что любая форма индивидуализации рассматривается как дьявольское начало, как грехопадение [32]. Процесс обезличивания проявляется во всех видах изобразительного искусства (скульптура, фотография, живопись): взгляд «стирает лицо, уничтожая актом смотрения собственную субстанцию». Данный процесс устремленности «к коллективной идентичности превращает эти изображения в симулякры», подчеркивает М. Рыклин. В итоге коммунальные тела, по выражению Рыклина, расправляются «со всей мыслящей периферией» и сам народ становится «окончательным референтом террора», который деградирует до уровня предмета, нуждающегося в банальном объяснении» [32]. Поскольку упрощенно понятый большевиками мир возможно было преобразовать только силой, Сталин выбил из этого

мира «остатки сложности, свел его к пропагандистским формулам, малейшее сомнение в которых каралось смертью» [29]. Плакат не содержит возможности обсуждения, его нельзя поставить под вопрос, возразить, оспорить. Экономия письменных средств приводит к невозможности интерпретации и, таким образом, закрепляет в сознании адресата заложенный в нем смысл.

В условиях современности, когда отсутствие единого языка приводит к использованию языка жестов (например реклама), мы вновь сталкиваемся с подобным явлением. Однако сегодня это происходит с помощью новых средств и игры, как указывает Деррида: «Возникновение письма есть возникновение игры...» [7]. Атрибутика того времени отражала идеальный образ, но фигуры здесь нельзя было менять, это не фигуры для игры. Дискурс метрополитена серьезен, протописьмо не допускает игры. Рыклин следующим образом описывает этот процесс: большевики не расколдовывают мир, очищая его от религиозности, а наоборот, «опутывают его многослойной тайной, делают максимально непрозрачным для самих обитателей», и символами «непрозрачности установившихся социальных отношений становятся новые культовые сооружения и обряды» [29]. Вовлекая массу в новое социально-идеологическое пространство, сталинизм ставил здесь главный вопрос: «не "участвовать или не участвовать?", а "жить или умереть?"». Народ как музыкальный инструмент был готов откликнуться в нужный момент на взмах палочки дирижера – партии [31]. Таким образом, визуализация становилась одним из средств и способов подчинения и террора.

Во всех действиях партийного руководства большевиков после прихода к власти мы можем увидеть проявление ницшеанской воли к власти и подтверждение тезиса Ф. Ницше: «Люди хотят свободы, куда они не имеют никакой власти. Получив какую-то власть, они хотят сверхвласти, господства; и только не завоевав господства (на это еще сил не хватает), начинают требовать *«справедливости»*, то есть *равной власти»* [22]. Большевики, придя к власти и относительно закрепившись в ней за годы Гражданской войны, в 1921 г. на X съезде партии начинают наступление на тех, кто не дает им возможности полностью реализовать «волю к власти», происходит сакрализация чистой воли. В резолюции съезда закрепляются требования о необходимости «провести полное уничтожение всякой фракционности», «немедленно распустить все без изъятия образовавшиеся на той или иной платформе группы», «применять в случаях нарушения дисциплины или возрождения или допущения фракционности все меры партийных взысканий вплоть до исключения из партии, а по отношению к членам ЦК перевод их в кандидаты и даже, как крайнюю меру, исключение из партии» [15]. В своем докладе на съезде Ленин подчеркивает: «Для создания такой сплоченности мы не можем обойтись без

подобной резолюции... "На основании всего этого съезд РКП, решительно отвергая указанные идеи, выражающие синдикалистский и анархистский уклон, постановляет, во-первых, признать необходимой неуклонную и систематическую борьбу с этими идеями; во-вторых, признать пропаганду этих идей несовместимой с принадлежностью к РКП"» [14]. В результате происходит, как полагает Рыклин, превращение первоначального Марксова мессианства, направленного на поиски чистой нравственности, в «собственную противоположность, в этику революционной бдительности, тотальной подозрительности» [29]. И апогеем этого процесса является формирование культа вождя, первым становится Ленин, а за ним на сцену выходит фигура Сталина, который на II съезде Советов СССР в речи по поводу смерти Ленина дает следующее определение коммуниста-большевика: «Мы, коммунисты, люди особого склада. Мы скроены из особого материала» [36]. Таким образом, создается фигура сверхчеловека Ницше, которая воплощается в образе вождя партии, страны, народа.

Можно рассматривать лидеров большевиков как носителей чистой воли, и источником этой чистой воли выступает партия и ее лидер – вождь. Однако воля к организации приводит их к конфликту с ценностью знания. Ницше в своей концепции уделяет внимание связи знания и власти, указывая на «просвещенный деспотизм», на необходимость поставить интеллект себе на службу, поскольку «всякое достижение познания есть следствие мужества, суровости к себе, чистоты перед собой», а «всякое достигнутое усиление и расширение власти создает новые перспективы и заставляет верить в новые горизонты» [22]. Последствия данного конфликта проявились, например, в проблеме отсутствия научно-технической интеллигенции для строительства социализма, а, следовательно, и возникновения трудностей для дальнейшего укрепления власти большевиков. И решение возникающих проблем происходило методами террора, волей к власти.

Мобилизация труда, по Троцкому, была дополнена Сталиным политикой «организованного набора рабочих для промышленности», предложением «закрепить рабочих за производством и сделать состав рабочих на предприятии более или менее постоянным», создать «свою собственную производственно-техническую интеллигенцию» из рабочих [35]. И апогеем привития организации в стихийное народное начало стало создание системы ГУЛАГа. Она охватила огромные просторы государства и стала еще одной формой воспитания работников и одновременно с этим формой милитаризации труда. Система лагерей строилась как военная, и это позволило использовать ее на территориях с особыми условиями труда. Создание ГУЛАГа предоставило

власти решить задачи строительства социализма малыми средствами, используя бесплатный труд заключенных, контроль за которыми осуществляли военные (офицеры и солдаты, прошедшие военную подготовку). Жижек приходит к выводу, что с принятием Конституции в 1936 г. «возможность террора была вписана в самую ее суть: поскольку с этого момента было объявлено о начале классовой войны, а Советский Союз мыслился в качестве бесклассовой отчизны народа» и выступавшие против власти являлись теперь врагами народа [8]. В этом проявляется, по мнению В.Д. Жукоцкого, ницшеанская установка – относиться к массам беспощадно, что и делали вожди, становившиеся «сверхчеловеками поневоле», так как в условиях массового социального движения образ «Сверхчеловека – фактического Божества ... адаптировался в идею партии и ее вождя, в историческую перспективу сверхчеловеческого сообщества людей» [9].

В результате большевиками была сформирована бюрократия, руководимая волей к власти, а не волей к истине, знаниям и соответственно находящаяся в конфликте с ними, и данное противоречие еще более усугубилось в последующий период, достигнув гигантских масштабов. Результатом стали периоды, когда воля к власти открыто преследует волю к знаниям (судебные процессы над инженерами, врачами, деятелями науки, искусства) и ценность истины становится минимальной, а знание носит характер избирательности. И как итог, созданная еще большевиками бюрократия не желает испытывать на себе влияние знания в форме экспертизы, что свидетельствует о деградации воли к власти. Т. Парсонс в своей теории социетального общества отмечает важность взаимодействия бюрократии с профессионалами (обладателями знаний), что ослабляет линейные элементы бюрократической структуры и придает им ассоциативный характер. Данную модель он называет коллегиальной бюрократией, в которой происходит совмещение роли членов с ролями работников. Парсонс подчеркивает: «При возрастающем значении научных технологий промышленность стала все больше нуждаться в профессионалах с академической подготовкой не только по причине их непосредственного вклада в производственный процесс, но и из-за их влияния на организационную структуру» [24]. Данная модель в условиях современного общества является наиболее жизнеспособной, так как может совместить и уравновесить знание и власть. Однако для большевиков воля к власти была лучше воли к знанию, они использовали энергию бессознательного – стихийное сознание масс, которое с помощью визуальных образов, лозунгов приводилось ими к необходимому, единственно правильному решению, и массы готовы были выполнить задачу, руководствуясь только инстинктом, осуществить выбор «свой – чужой». Опасность воли к власти, не ограниченной волей к истине, проявилась в неподконтрольности

созданной бюрократии, которая являла собой образ сверхчеловека, возвышающегося над обществом.

Еще один теоретик государственного марксизма А.А. Богданов, создатель тектологии, науки об организационных системах, рассматривает в своих трудах вопросы перехода организационных систем к самоорганизации. Он, как и его предшественники, противопоставляет анархической массе других классов пролетариат как класс «представителей растущей товарищеской солидарности, массового объединения сил, с тенденцией подчинить своей организованной воле эти общественные отношения» [2].

Богданов ясно осознал необходимость всеобщей организации. Он подчеркивает: «У человечества нет иной деятельности, кроме организационной, нет иных задач, кроме организационных» [3]. Создатель тектологии, всеобщей организационной науки, выдвигает идею о способности системы к самоорганизации. С его точки зрения, расцвет тектологии «будет выражать сознательное господство людей как над природой внешней, так и над природой социальной», поскольку основу всего составляет тектологический вопрос: «Как наиболее целесообразно организовать некоторую совокупность элементов — реальных или идеальных?» [6]. Богданов впервые высказывает идею организации как самоорганизующейся системы, получившую развитие в XX веке.

С точки зрения тектологии он рассматривает социалистическое общество как новую систему производства, где «каждый работник действительно равен другому работнику как сознательные элементы единого разумного целого; в этой системе каждому даются все условия, чтобы с наибольшей полнотой и всесторонностью развить свою трудовую силу и с наибольшей целесообразностью применять ее в пользу всех» [5]. Для достижения «сознательно-товарищеской организации рабочего класса» требуется «выработка социалистической пролетарской культуры» [4]. В «Вопросах социализма» он рассматривает культуру класса как «совокупность его организационных форм и методов», которыми ему еще предстоит овладеть. Поскольку самоорганизация рабочего класса происходит пока еще стихийно, необходимо ее продолжать и развивать, «но с переходом в новую фазу — сознательно-планомерного искания, выработки, усвоения, распространения организационных форм и методов» [1].

По теории А.А. Богданова, как только пролетариат твердо встанет «на новую почву в своей организационной и идейной работе», его движение станет «непрерывно развивающейся реализацией социализма как нового мира культуры», что приведет пролетариат к победе, которая превратит социалистический классовый строй в «общечеловеческий» [1]. Таким образом, согласно дан-

ной теории пролетариат, являясь стихийным, деструктивным началом, сможет достичь своей самоорганизации, выработав пролетарскую культуру.

Следовательно, государственный марксизм ставит своей задачей преобразовать стихийное пролетарское сознание, его деструктивное начало, в позитивное через самоорганизацию, воспитав, таким образом, его самосознание, и создать позитивный тип – солдата и рабочего. И в этом процессе свою роль сыграл синтез марксизма и ницшеанства, проявившийся на почве большевизма-ленинизма. В.Д. Жукоцкий подчеркивает, что «дух радикально-большевистского социального реформаторства постреволюционной России был бы невозможен без стихийной опоры на аморальную составляющую ницшеанского сверхчеловека» [9].

Необходимо остановиться на понятии «рабочий-пролетарий», используемом в российских марксистских и анархистских проектах. Процесс формирования анархистских и марксистских концепций на российской почве происходит одновременно и берет свое начало с движения народничества, зародившегося в середине XIX века. Однако в ходе оформления между ними наметились противоречия, что привело в итоге к расхождению, но основа остается общей, что позволило нам отнести анархизм к линии дионисийского (стихийного) марксизма.

В теории анархизма относительно угнетенных слоев общества используется понятие «рабочие», «трудящийся народ». Анархисты делали ставку на люмпен-пролетариев, то есть деклассированный элемент, предполагая, что только они могут стать главной движущей силой будущей революции, способной разрушить ценности старого уходящего строя. К данной категории относится и масса беднейшего крестьянства, которое предполагалось использовать в качестве движущей силы, но только после предварительной подготовки.

В марксистской теории понятие «рабочий» заменяется понятием «пролетарий». Данный термин получает развитие в трудах основоположников марксизма К. Маркса и Ф. Энгельса, использовавших его применительно к европейским рабочим, представлявшим собой в большинстве своем квалифицированную рабочую силу. В России данный термин появляется в работах русских марксистов Г.В. Плеханова, В.И. Ульянова-Ленина и их последователей, которых мы относим к линии государственного марксизма.

Именно Ленин придает данному термину особое значение в своей теории социалистической революции. Однако, в отличие от Запада, в России такое большинство квалифицированных рабочих в виде рабочих-пролетариев отсутствовало. Основная масса российских рабочих – это выходцы из деревни, не имеющие профессиональных навыков, не обладающие характеристиками западного пролетариата: образование, квалификация и

т.д. Это привело к искажению данного понятия и присвоению его неграмотной, необразованной прослойке российского общества – люмпенам, которые представляли собой низы общества. Следовательно, применительно к российской действительности использование определения «пролетариат» в том контексте, в котором его использовали основоположники марксизма, не представляется возможным. Эти особенности российской действительности могут быть причиной оформления линии государственного марксизма, делавшего упор на необходимости скорейшего преобразования стихийного начала в организованный класс.

Проанализировав учение о пролетариате в теориях классиков марксизма, можно сделать вывод об отсутствии в пролетариате позитивного, созидательного начала. Данная особенность ярко проявилась в условиях России, где процесс формирования рабочего класса приходится только на начало XX века, в то время как в Европе он относится к XIX в.

В теории марксизма нам удалось выделить два направления: первое строит свое учение исходя из наличия у пролетариата стихийного, неорганизованного начала, а второе создает теорию о руководящей и направляющей пролетариат силе в виде диктатуры пролетариата. Первое направление представлено в трудах П. Кропоткина, М. Бакунина, а второе – в работах Г.В. Плеханова, В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, И.В. Сталина, А.А. Богданова.

Попытка превращения пролетария в создателя нового общества, предпринятая марксистами государственного направления, выводит на арену политической борьбы две позитивные фигуры – солдата и рабочего. В России первой удалось сформировать фигуру солдата, а формирование рабочего растянулось на десятилетия XX века (самосознание рабочего проявляется только во второй половине века), в то время как в Европе первой была сформирована позитивная фигура рабочего и только после Первой мировой войны фигура солдата. Организованность солдата, осознание им своих действий и способность к созиданию обусловили его использование в мирной жизни, сделали его опорой власти в решении задач строительства социализма.

Таким образом, выявленные тенденции позволили нам разделить русские марксистские утопии по двум направлениям: дионисийский (стихийный) марксизм и государственный марксизм. К первой группе относим проекты П. Кропоткина, М. Бакунина и А. Платонова, а ко второй – Е. Замятина и Д. Андреева.

1. Богданов А.А. Вопросы социализма. Идеал и путь / А. А. Богданов // Новый мир; Вопросы социализма. – М.: КомКнига, 2010.

2. Богданов А.А. Новый мир / А. А. Богданов // Новый мир; Вопросы социализма. – М.: КомКнига, 2010.
3. Богданов А.А. Очерки организационной науки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.uic.unn.ru/pustyn/lib/bogdanov.ru.html> (дата обращения 29.08.13).
4. Богданов А.А. Социализм в настоящем / А. А. Богданов // Новый мир; Вопросы социализма. – М.: КомКнига, 2010.
5. Богданов А.А. Социалистическое общество / А. А. Богданов // Новый мир; Вопросы социализма. – М.: КомКнига, 2010.
6. Богданов А.А. Тектология: (Всеобщая организационная наука): в 2 кн. Кн. 1 / А.А. Богданов. – М.: Экономика, 1989.
7. Деррида Ж. О грамматологии / Ж. Деррида; пер. с фр., вступит ст. и комм. Н.С. Автономовой. – М.: Изд-во "Ad Marginem", 2000.
8. Жижек С. 13 опытов о Ленине / С. Жижек. – М.: Ад Маргинем, 2003.
9. Жукоцкий В.Д. Ницшеанство и марксизм: русский синтез [Электронный ресурс]. Режим доступа. http://libelli.ru/alfa_n/ez.htm (дата обращения 29.08.13).
10. Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. / В.И. Ленин. - 5-е изд. – М.: Политиздат, 1962-1981. Т. 33.
11. Ленин В.И. Директивы по киноделу. Примечания // Полн. собр. соч. / В.И. Ленин. - 5-е изд. – М.: Политиздат, 1962-1981. Т. 44.
12. Ленин В.И. Задачи Союзов Молодежи (Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г.) // Полн. собр. соч. / В.И. Ленин. - 5-е изд. – М.: Политиздат, 1962-1981. Т. 41.
13. Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Полн. собр. соч. / В.И. Ленин: - 5-е изд. – М.: Политиздат, 1962-1981. Т. 36.
14. Ленин В.И. X съезд РКП(б) 8 – 16 марта 1921 г. Доклад о единстве партии и анархо-синдикалистском уклоне 16 марта // Полн. собр. соч. / В.И. Ленин. - 5-е изд. – М.: Политиздат, 1962-1981. Т. 43.
15. Ленин В.И. X съезд РКП(б) 8 – 16 марта 1921 г. Первоначальный проект Резолюции X съезда РКП о единстве партии // Полн. собр. соч. / В.И. Ленин. - 5-е изд. – М.: Политиздат, 1962-1981. Т. 43.
16. Ленин В.И. Что делать? // Полн. собр. соч. / В.И. Ленин. - 5-е изд. – М.: Политиздат, 1963-1981. Т. 6.
17. Ленин В.И. Шесть тезисов об очередных задачах Советской власти // Полн. собр. соч. / В.И. Ленин. - 5-е изд. – М.: Политиздат, 1962-1981. Т. 36.
18. Маркс К. Второй набросок «Гражданской войны во Франции» / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955–1975. – Т. 17. – С. 578 – 61.
19. Маркс К. Коммуна: первый набросок «Гражданской войны во Франции» / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955–1975. Т. 17.

20. Маркс К. Манифест Коммунистической партии / К.Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955–1975. Т. 4.
21. Маркс К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955–1975. Т. 3.
22. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше; пер. с нем. Е. Герцык и др. – М.: Культурная Революция, 2005.
23. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс; пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева; под ред. М.С. Ковалевой. – М.: Аспект-Пресс, 1998.
24. Плеханов Г.В. Двадцатипятилетие смерти Маркса / Г.В. Плеханов // Соч. – М.; Л.: Госиздат, 1923–1927. Т. XVI.
25. Плеханов Г.В. К психологии рабочего движения (Максим Горький «Враги») / Г.В. Плеханов // Избр. философские произведения. – М.: Изд-во соц.-эк. лит-ры, 1956–1958. Т. V.
26. Плеханов Г.В. Международное Товарищество Рабочих / Г.В. Плеханов // Избр. философские произведения. – М.: Изд-во соц.-эк. лит-ры, 1956–1958. Т. II.
27. Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба / Г.В. Плеханов // Соч. – М.; Л.: Госиздат, 1923–1927. Т. II.
28. Рыклин М. Лучший в мире // Топос. – 25 октября. – 2005 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.topos.ru/article/4128> (дата обращения 29.08.13).
29. Рыклин М. Коммунизм как религия: Интеллектуалы и Октябрьская революция / М. Рыклин. – М.: Новое литературное обозрение, 2009.
30. Рыклин М. Метродискурс. Окончание // Топос. – 14 июля. – 2005 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.topos.ru/article/3812> (дата обращения 29.08.13).
31. Рыклин М. Свастика, крест, звезда. Произведение искусства в эпоху управляемой демократии / М. Рыклин. – М.: Изд-во «Логос», 2006.
32. Рыклин М. Террорологии / М. Рыклин // Террорологии. – Тарту; М.: Эйдос; Культура, 1992.
33. Сталин И. В. Год Великого перелома. К XII годовщине Октября / И.В. Сталин // Вопросы ленинизма. – 11-е изд. – М.: Госполитиздат, 1952.
34. Сталин И. В. Об основах ленинизма. Лекции, читанные в Свердловском университете / И.В. Сталин // Вопросы ленинизма. – 11-е изд. – М.: Госполитиздат, 1952.
35. Сталин И.В. Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства. Речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. / И.В. Сталин // Вопросы ленинизма. – 11-е изд. – М.: Госполитиздат, 1952.

36. Сталин И.В. По поводу смерти Ленин. Речь на II Всесоюзном съезде Советов 26 января 1924 г. / И.В. Сталин // Соч. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1954. Т. 6.
37. Троцкий Л.Д. Мобилизация труда (доклад на объединенном заседании III Съезда совнархозов и Московского совета раб. и кр. депутатов) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.litres.ru/lev-trotsky/mobilizaciya-truda-doklad-na-obedinennom-zasedanii-iii-sezda-sovna-hozov-i-moskovskogo-soveta-rab-i-kr-deputatov/> (дата обращения 28.08.13).
38. Троцкий Л.Д. На пути к социализму. Хозяйственное строительство Советской республики (Приложения) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.litres.ru/lev-trotsky/na-puti-k-socializmu-hozyaystvennoe-stroitelstvo-sovetskoj-respubliki-prilozheniya/?just_bought=1 (дата обращения 28.08.13).
39. Троцкий Л.Д. Новый курс (в редакции 1924 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.litres.ru/lev-trotsky/novyuy-kurs-v-redakcii-1924/> (дата обращения 28.08.13).
40. Троцкий Л.Д. О мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применении воинских частей для хозяйственных нужд // Тез. ЦК РКП [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.litres.ru/lev-trotsky/o-mobilizacii-industrialnogo-proletariata-trudovoy-povinnosti-militarizacii-hozyaystva-i-primenenii-voinskih-chastej-dlya-hozyaystvennyh-nuzhd-tezisy-ck-rkp/> (дата обращения 28.08.13).
41. Троцкий Л.Д. Перманентная революция [Электронный ресурс] / Л.Д. Троцкий. Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl004.htm> (дата обращения 28.08.13).
42. Троцкий Л.Д. Терроризм и коммунизм [Электронный ресурс] / Л.Д. Троцкий. Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl033.htm> (дата обращения 28.08.13).
43. Энгельс Ф. Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции» / К.Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955–1975. Т. 22.
44. Энгельс Ф. Запись речи Ф. Энгельса о Парижской Коммуне / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955–1975. Т. 17.
45. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. По собственным наблюдениям и достоверным источникам / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955–1975. Т. 2.
46. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт / Э. Юнгер // Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. – СПб.: Наука, 2000. – С. 42.